

# ТУЛЬСКИЙ ДЕТЕКТИВ III

## Пропавшие винтовки



Роман Елиава



Тульский детектив

Роман Елиава

**Тульский детектив III.  
Пропавшие винтовки**

«Автор»

2024

## **Елиава Р.**

Тульский детектив III. Пропавшие винтовки / Р. Елиава —  
«Автор», 2024 — (Тульский детектив)

Осень 1883 года. Тульская полиция начинает расследовать смерть богатой вдовы, а на императорском оружейном заводе пропадают первые образцы винтовки, разрабатываемой штабс-капитаном Мосиным. В центре событий снова оказываются пристав Столбов и урядник Трегубов. Продолжение "Тульского детектива" в книге "Пропавшие винтовки".

© Елиава Р., 2024

© Автор, 2024

# Содержание

1.	5
2.	8
3.	12
Конец ознакомительного фрагмента.	19

# Роман Елиава

## Тулский детектив III.

### Пропавшие винтовки

#### 1.

Дыхание фыркнувшей лошади на мгновение материализовалось в виде облачка пара, а затем исчезло в прохладном воздухе осеннего утра. Лошадь опустила голову и попыталась отойти вбок, чтобы достать зубами ветку кустарника, росшего вдоль берега. Всаднику пришлось слегка натянуть поводья, чтобы оставить коня стоять на месте. Это был молодой человек, одетый в полицейскую шинель, одной рукой он придерживал поводья, другая лежала на рукоятке шашки, хотя никакой непосредственной угрозы сейчас не было. Такое положение руки выдавало нервное состояние всадника. Голубые глаза молодого полицейского с погонами урядника, были прикованы к берегу реки.

– Вижу, но не могу поверить, что такое возможно, – сказал он.

– Мало ты ещё повидал, – ответил второй всадник. Он был одет также, как и первый, только был значительно старше, а обветренное лицо покрывала сетка морщин.

– Какие родители на такое способны? – удивился молодой полицейский.

– Много таких! Мы часто находим трупы детей. Нужда, болезни... Они самые незащищенные, поэтому детских трупов больше, чем взрослых. Ты ещё привыкнешь к этому, Ваня.

– Не уверен, что к такому можно привыкнуть, – ответил Иван.

– Нужно привыкнуть, иначе как служить в полиции? Чтобы не думать постоянно о таких случаях, человек и привыкает. Человек – он, Ваня, ко всему может привыкнуть, даже к войне. А там ужасов не в пример больше, чем здесь, – Сивцев кивнул в сторону младенца.

На какое-то время полицейские замолчали, не сводя взгляда с погибшего младенца и полностью погрузившись в свои раздумья. Затем Трегубов нарушил молчание:

– Но на войне солдаты, а не дети. Там или ты, или тебя, а здесь убили собственное дитя.

– Они не смогли убить, – сказал пожилой полицейский.

– Почему Вы так думаете? – удивился Иван.

– Опустили в реку живым. Даже люльку не пожалели. Утешили себя тем, что вдруг божий промысел его спасет. Думаю, что он был жив, когда его в реку бросили. Филимонов мог бы точнее сказать, но, думаю, замерз малец. Смотри, какого он цвета. Ночью были заморозки.

– Всё равно убийцы – это родители. Нужно их найти! Как они могли совершить такое? Как мать может так относиться к собственному ребенку, которого выносила?

– Где ж ты их найдешь? Такое не раскрывается, – посетовал Сивцев. – Ежели сами убили, то и не заявят, а найти – не представляю, как.

– Я найду, придумаю как, – задумчиво проговорил Иван.

Со стороны улицы послышался конский топот. Полицейские отвернулись от своей страшной находки, чтобы посмотреть, кто это так торопится. В поле зрения показался ещё один всадник в шинели. Трегубов и Сивцев узнали в нём городского.

– Сивцев, Трегубов, вот вы где! Обыскался, – городской увидел на берегу труп ребенка и осёкся.

– Что искал то? – спросил старший из полицейских.

– Илья Петрович требует Ивана Трегубова к себе срочно, – не отрывая глаз от люльки с мертвым младенцем, ответил городской.

– Что случилось? – спросил Иван.

– Женщина на Верхне-Дворянской погибла. Хотят разобраться: сама или помог кто.  
Трегубов отвел взгляд от жуткого зрелища на берегу и вопросительно посмотрел на Сивцева.

– Поезжай, я справлюсь, – ответил тот, а затем обратился к приехавшему городовому. – А ты, Антонов, поможешь.

Иван развернул лошадь и направился от Упы в центр города. «С чего это, интересно, я потребовался Столбову», – подумал он. После дела скопцов между ними наступило некоторое охлаждение. Иван понимал, что много лишнего тогда сгоряча наговорил своему начальнику. Но, тем не менее, продолжал считать, что в целом был прав он, а не Илья Петрович. Нельзя идти на компромиссы с такими людьми, как Мартынов, представлявший общину скопцов.

У небольшого двухэтажного особняка на одной из центральной улиц Тулы, где обитала зажиточная часть горожан, Иван увидел своего товарища по службе урядника Петренко, стоявшего снаружи у дверей. Десятки зевак разных возрастов и сословий допытывались у него, что случилось, забрасывая его вопросами. Но не тут-то было, Петренко держался, как камень.

– А, Трегубов... Давай лошадь и проходи, Петрович ждёт тебя, – сказал он, заметив прибывшего Ивана.

Трегубов спешился, подал поводья полицейскому и вошел в дом. Снаружи он, действительно, казался небольшим, но внутреннее убранство было богатым: новая мебель, ковры, фарфоровые вазы на столиках вокруг огромного зеркала в позолоченной оправе. Иван глянул на себя, пригладил волосы на голове, которые пришли в беспорядок под фуражкой, и прошел дальше.

Гостиная тоже была небольшая, вдоль правой стены начиналась лестница на второй этаж. Она шла полукругом и заканчивалась балконом с балясинами. Наверху стоял Столбов – немного полноватый мужчина за пятьдесят в мундире пристава – и внимательно смотрел вниз. Проследив его взгляд, Иван увидел тело женщины, лежавшей на полу, покрытом пурпурным ковром. Рядом с телом стоял ещё один полицейский, в котором Трегубов узнал урядника Семёнова, некогда работавшего на Курско-Московском вокзале рабочим.

– Мы тебя уже давно ждём, – вместо приветствия сказал он Ивану.

Трегубову послышалось в голосе Семёнова легкое раздражение, но он не обратил на это особого внимания, поскольку знал, что его сослуживец всё происходящее с ним воспринимает очень эмоционально.

– Антонов нас найти не мог, – ответил в своё оправдание Иван.

Он рассматривал неестественную позу женщины лет сорока: её темно-каштановые волосы растрепались, а невидящий взгляд серых глаз застыл словно в недоумении. «Живой человек так не сможет вывернуть шею» – подумал Иван.

– Трегубов, давай сюда, наверх, – прибывшего наконец заметил пристав, его непосредственный начальник.

Иван поднялся по ступенькам – начищенные сапоги мягко ступали по ковровому покрытию – и встал рядом с приставом, который продолжал смотреть вниз.

– Что думаешь? – спросил Столбов.

– А что тут думать? – пожал плечами Трегубов. – Упала и расшиблась насмерть.

– Не скажи! Видишь высоту ограждения? Даже тебе выше пояса, а погибшая, по моему разумению, сантиметров на десять или пятнадцать ниже.

– Получается, что сама прыгнула?

–

Или помогли. Да – с.

– А я зачем понадобился, Илья Петрович?

– Меня к начальству вызвали внезапно, а Семенову помощь нужна, не бросать же его тут одного.

– Почему Вас вызывают?

– Не уведомили. Но, думаю, это не по поводу моего отказа от повышения, и ничего хорошего от этого я не жду, – сказал Столбов. – Ах, да, скоро приедет Филимонов, дождитесь его и запишите показания.

– Зачем? Мы бы сами отвезли тело.

– Тут геометрия важна, – задумчиво проговорил пристав, – пусть всё посмотрит: и как тело лежит, и откуда упасть могло, соответствуют ли травмы и переломы падению. Понятно?

– Понятно, Илья Петрович.

– Ну и хорошо, я поехал, – пристав посмотрел на Трегубова и сбежал вниз по ступеням.

Трегубов проводил взглядом своего начальника и сам медленно спустился, рассматривая положение тела и представляя себе варианты его падения с лестницы или со второго этажа через ограждение. «Точно со второго этажа, через ограду», – сделал он для себя вывод. Иван посмотрел теперь уже вверх. Прав Столбов, что-то здесь не так, ограждение, действительно, было высоким. Иван подошёл к труп и наклонился, ещё раз внимательно рассматривая его положение. Похоже, что именно упала, а не положили.

– Кто нашёл? – спросил он Семёнова.

– Лакей, когда вернулся. Дома больше никого не было.

– Допросили уже?

– Нет. Тебя ждали, – в голосе Семёнова проскользнули нотки недовольства.

– А где он? – снова не обратил на это внимание Трегубов.

– В комнате, во втором этаже, в расстроенных чувствах. А вот и Филимонов!

В гостиной появилась высокая и угловатая фигура аптекаря. Он был одет в черное пальто нараспашку, в руке держал большой саквояж. Волосы Филимонова по обыкновению были в полном беспорядке и клочками торчали в разные стороны. Аптекарь увидел труп и сразу же посмотрел на балкон.

– Зачем меня вытащили? Я же занят! Не могли сами, что ли, привезти? – не скрывая раздражения в голосе начал он свой разговор с полицейскими.

– Илья Петрович сказал, что важна геометрия, и тебе нужно разобраться: прыгнула она, столкнули или подложили тело, – прокомментировал текущую ситуацию Трегубов.

– Ну уж увольте! С чего это мне вашу работу делать?! Я дам своё заключение, а там сами решайте сама она прыгнула или скинули.

– Большого и не требуется, только всё тщательно проверь.

– А когда было иначе? Где сам Илья Петрович?

– К начальству позвали, – ответил Семёнов.

– Я Вас оставлю, пойду поговорю с лакеем, – Иван обошёл тело и снова поднялся вверх.

## 2.

На втором этаже, в дальнем конце, Трегубов увидел несколько дверей. Очевидно, это были спальни прислуги. Одна дверь была слегка приоткрыта, и урядник заглянул в неё. Лакей сидел на кровати. Это был молодой блондин с большими, как у лошади, карими глазами навыкате. На вид лакею было не больше двадцати пяти. Его выющиеся волосы были достаточно коротко пострижены, а покрасневшие глаза с длинными ресницами набухли от слез. Иван демонстративно постучал в дверь и вошёл.

– Как Вас зовут? – спросил Трегубов, беря стул и присаживаясь напротив.

– Павлик, то есть Павел, – шмыгнул носом лакей.

– Это Вы нашли тело? Как, кстати, зовут Вашу хозяйку?

– Анна Андреевна. Оленина. Да, я нашёл, утром пришёл, а она лежит, – по правой щеке Павла скатилась крупная слеза.

– Хорошая женщина была? – спросил Иван.

– Замечательная! – ответил Павел, и слёзы полились уже по обеим щекам.

– Значит, Вы её любили?

– Конечно, как не любить! – всхлипнул лакей.

– К ней все так относились? Никто не желал зла?

– Нет! Все ей завидовали! – неожиданно яростно возразил Павел.

– Но почему?

– Потому что она хорошая, умная, красивая и богатая, а они – неудачницы!

– Неудачницы? Кто – они? – спросил Иван.

– Её сестра Варвара со своим муженьком и сестра покойного мужа Вера.

– Анна Андреевна вдова? – уточнил Иван.

– Да, муж её умер два года назад. Статский советник Оленин оставил ей состояние и поместье. Господи, мы только на прошлой неделе переехали на зиму в Тулу! И такое несчастье!

– А дети у Анны Андреевны есть? – Трегубов достал письменные принадлежности и начал записывать для себя имена, помечая, кем они приходятся погибшей.

– А как же, есть, конечно: сын, Александр Михайлович Оленин.

– Он здесь, в городе?

– Не знаю точно. Он никому не отчитывается, делает, что хочет.

– А чем он занимается?

– Чем? – Павел задумался, что ответить. – Да ничем, деньги проматывает.

– Ясно. Вот Вы сказали, что её не любят Вера и Варвара. Не напомните, кто они и почему не любили Анну Андреевну?

– Господи, – снова всхлипнул Павел, его глаза снова наполнились слезами, – никак не привыкну, что её нет.

– Так всё же: Вера и Варвара, – напомнил Трегубов.

– Вера – младшая сестра покойного Оленина, неприятная она, поэтому и в девах сидит. Брат всё жене и сыну оставил, вот и не любит... не любила, – поправился Павел, – она Анну Андреевну. А Варвара, младшая сестра хозяйки, – она замужем за этим проходимцем Вешкиным, у которого всегда на лице написано, как он завидует состоянию и положению Анны Андреевны.

– Больше нет родственников?

– Как же нет? Есть! Брат двоюродный, Яков Николаевич, тоже в трениях был с хозяйкой.

– Он чем занимается, где живёт?

– Живёт тут недалече. Офицер он в отставке, турки руку ему отрубили.

– А в чём трения заключались? – спросил Трегубов, продолжая писать.

– Да характером он не вышел, гордый очень, вот и трения. У него они со всеми вокруг, кроме Хлоповой.

– А это кто? – не понял Иван.

– Вдова тут есть одна, обхаживает он её. Очевидные намерения имеет к ней.

– А ещё кто есть из родных в городе?

– Ну, Васька ещё. Но он как бы не совсем и родственник.

– В каком смысле «не совсем родственник»? – удивился полицейский.

– Сын покойного хозяина от крестьянки. Это ещё до брака с Анной Андреевной было.

– Внебрачный сын? Как его фамилия, чем занимается?

– Борисов Василий. Самовары, кажись, продаёт, но тоже всегда без денег. Отец ему отступных дал ещё при жизни. Говорят, что большую сумму. Так он всё пропил давно. Недавно приходил к хозяйке, наверное, денег просил.

– И что она, дала?

– Не знаю, но, думаю, не дала, – очень уж раздраженный он ушёл восвояси.

– Я правильно Вас понял, Павел, что в окружении Анны Андреевны не было людей, которые бы к ней хорошо относились, кроме Вас, конечно, а сама она была замечательным человеком?

– Ей Богу, так и было! – горячо ответил лакей.

– Она была богаче всех?

– Вы ещё мягко выразились, господин полицейский. Они все вечно тут околачивались, ожидая подачек.

– Кто наследует состояние Анны Андреевны?

– А это не знаю, извините, не того значения я человек, не посвящала меня хозяйка.

– Вы сказали, что переехали зимовать в Тулу. Кто ещё переехал с вами?

– Пока только я и горничная Ульяна. Остальные вещи собирают, должны были потихоньку тоже переехать.

– А Вас, стало быть, не было в доме, раз Вы утром пришли?

– Нет не было, я на воскресенье отпросился у Анны Андреевны, мать в деревне навестить. Знал бы что... – на глаза лакея снова навернулись слёзы.

– А горничная? Ульяна, кажется, Вы сказали?

– Да, Ульяна. Она должна была быть здесь.

– Но Вы её в доме не видели? Не знаете, где она может быть? – спросил Трегубов.

– Нет, не было её. Где она – тоже не знаю, хотя, помню, она говорила, что сестра у неё в Туле живет. Может, к ней пошла.

– Как зовут, не помните?

– Нет, не могу припомнить. Может, она и не говорила, как зовут, – ответил Павел.

– Теперь, Павел, сосредоточьтесь и скажите, пожалуйста, Вы что делали, когда обнаружили мертвую хозяйку. Труп трогали?

– Да упаси боже! Я как пришел, сразу её увидел, и глаза эти... – Павел вздохнул всей грудью. – Испугался я и выскочил на улицу, а тут смотрю – как раз городской. Вот и всё, собственно.

– Хорошо, спасибо, – поблагодарил Иван. – Оставайтесь пока здесь, не уходите, возможно, у нас будут ещё вопросы.

Трегубов спустился вниз. Филимонов как раз заканчивал осматривать труп и собирал саквояж. Иван подождал пока он закончит и спросил:

– Ну, что? – спросил его Иван.

– Отчёт ещё написать нужно, я не такой шустрый, – ответил аптекарь.

– Я не про отчёт. По сути что скажешь?

– Шея сломана. Голова, видел, как вывернута? Упала с балкона второго этажа. А сама или помогли – это уж сами разбирайтесь, но случайно так упасть практически невозможно. Тело далеко упало – либо прыгнула, либо толкнули.

– Когда это произошло, можно определить? – спросил Семёнов.

– Думаю, чуть меньше суток назад. Ну, всё, мне пора, и так столько времени тут потерял, – сказал аптекарь и вышел.

В дверях Филимонов столкнулся с невысокой молодой женщиной, чуть за тридцать. Темные волосы обрамляли её, ничем не примечательное, лицо.

–

Петренко! – громко крикнул Семёнов, чтобы быть услышанным на улице. – Тебе же сказали – не пропускать никого!

– Я думаю, это горничная Анны Андреевны. Вы же Ульяна? – сделал предположение Иван.

– Да, – ответила женщина. Её светлые глаза широко раскрылись и заворуженно уставились на труп хозяйки, лицо сильно побледнело.

– Скажите, пожалуйста, а где Вы были? – спросил Трегубов.

– Ночевала у сестры, меня барыня с обеда отпустила, – ответила Ульяна, не в силах отвести взгляд от трупа.

– Семёнов, запиши, пожалуйста, имя и адрес этой сестры, и возьми ещё у Ульяны и Павла адреса людей из этого списка, – Иван протянул исписанный лист Семёнову.

– Трегубов, – возмутился тот, – а чего это ты тут раскомандовался?

– Если хочешь, я этим займусь, а ты пойд и опроси соседей, запиши показания, – предложил Иван.

– Записать показания? – буквально на секунду задумался Семёнов, а потом забрал листок у Трегубова. – Иди сам. Вокруг, наверное, живут такие же богатенькие, как ты, вот тебе и будет сподручнее.

Урядник вышел из дома жертвы. Зеваки всё ещё были на месте, но это были уже новые люди. Иван неторопливо подошёл к соседнему дому, оглядываясь вокруг. Дверь была недавно покрашена. Полицейский поднял руку, но не успел постучать, как дверь открыл солидного вида слуга в возрасте.

– Чем обязаны? – спросил он, настороженно оглядывая полицейского.

– Хотел бы поговорить с хозяином дома по поводу происшествия по соседству, с Олениной.

– Хозяин отсутствуют. Могу доложить хозяйке, Елене Павловне.

– Хорошо, пусть будет Елена Павловна, – согласился урядник.

Скоро к нему спустилась немолодая дама с седыми локонами на висках. Присутствие в гостиной полицейского не вызвала никакого удивления. «Несмотря на старания Петренко, все соседи уже в курсе», – подумал Иван и оказался прав.

– Ах, какая трагедия! – сразу заговорила она. – Анна Андреевна... Какое несчастье! Простите ...

– Иван Иванович Трегубов, – представился полицейский. – Совершенно согласен с Вами, любая смерть – это трагедия, но, Елена Павловна, скажите, Вы хорошо знали покойную?

–

Не так чтобы очень, скорее, просто по – соседски, – у Олениных был свой круг общения, – ответила Елена Павловна.

– Скажите, а Вы были дома вчера?

– В основном, да, только на обед мы были приглашены к сослуживцу мужа.

– Ничего не заметили необычного у Олениной, может, видели, как кто-то приходил или уходил? – спросил Иван.

– Да нет, не видела, а вот Филипп вечером ходил к Анне Андреевне.

– Филипп?

– Да, Вы его выдели, он Вам открыл дверь, – пояснила хозяйка дома.

– А зачем он ходил к ней? – заинтересовался Трегубов.

– Мальчишка какой-то принёс нам письмо для неё, ошибся домом, а Филипп взял зачем-то и мне отдал. Я ему и говорю: дурак, зачем взял, ты же умеешь читать. Видишь, Олениной Анне Андреевне? Иди отнеси его соседям.

– И что же, отнёс?

– Конечно, отнёс. Зачем мне чужая переписка? – возмутилась Елена Павловна.

– В котором часу это было, не вспомните? – спросил Иван.

– Филя! Поди сюда! Расскажи господину полицейскому, когда отнёс письмо.

Филипп не заставил себя долго ждать, очевидно, находился рядом, прямо за дверью, и подслушивал.

– Точно не помню, часов не имею собственных, извините, но смеркалось как раз, – ответил слуга.

– А кто был дома? Кто взял письмо? – продолжил опрашивать Филиппа урядник.

– Хозяйке и отдал.

– Это точно была она? Не горничная, не лакей?

– Точно она. Что я, горничную от барыни не отличу? – обиделся Филя.

– Хорошо, спасибо, – Трегубов обрадовался, что теперь можно сузить промежуток времени, когда погибла Оленина, с суток Филимонова до прошедшей ночи.

– Что за мальчишка принёс письмо, можете описать? – спросил Иван.

– Да мальчишка, как мальчишка, – Филя непроизвольно почесал затылок, – лет десять, не босяк, но и не с благородных, может, какого приказчика сын. Белобрысый, с родинкой над губой, картавил чуть. Больше не вспомню ничего.

– И на этом спасибо. А что на конверте было?

– Да ничего, только имя: Олениной Анне Андреевне.

– А зачем же Вы его взяли? – удивился Иван.

– Сам не знаю, – ответил Филипп, – чтобы Елена Павловна решила, что с ним делать дальше. Моё то дело маленькое.

Когда Трегубов вернулся в дом Олениной, не узнав больше ничего полезного от остальных соседей, труп уже увезли. Петренко уехал, Семёнов ждал Трегубова на улице, караулил его лошадь.

– Ну, что, поехали? – облегченно сказал он, когда увидел Ивана. – Вот твои адреса, держи.

– Нет, пока никуда не едем. Оленина вечером получила письмо, прямо перед смертью, нужно его найти. Мало ли что, вдруг в нем причина происшествия?

– Не видел я никакого письма, – вздохнул Семёнов, слезая со своего коня.

Они вернулись и перевернули весь дом вверх дном, им помогала Ульяна, которая обычно вела корреспонденцию хозяйки. Нигде письма, про которое говорил Филипп, не было.

– Получается, кто-то побывал здесь ночью и забрал его, – задумчиво подвел итог обыску Трегубов.

– Получается, так, – согласился с ним Семёнов. – Может, это и есть преступник.

### 3.

Столбов был в искреннем недоумении: зачем он мог понадобится столь высокому начальству? Полицмейстер Тулы подчинялся только губернатору, и в его ведении была не только полиция, но суды и тюрьмы. Также он отвечал за многие аспекты жизни города, такие, как пожарная охрана, обеспечение правопорядка в общественных местах и во время мероприятий, бесперебойная работа всех государственных учреждений города, а иногда даже выступал как цензор. В своей повседневной работе Илья Петрович редко сталкивался с Тришатным, который сейчас ожидал его в полицейском управлении.

Когда пристав подъехал к нему, то увидел стоящий у входа экипаж. Рядом с ним, вышагивая то туда, то сюда, нетерпеливо металась полная фигура тульского полицмейстера.

– Comment allez-vous, Илья Петрович? – поприветствовал пристава Тришатный.

– Merci, pas mal. Только, извините, Александр Александрович, французский совершенно забыл. Не в том обществе вращаюсь.

– C'est vrai. Контингент у Вас ещё тот! Давайте, залезайте ко мне, нас ждут, едем скорее.

– Кто же? – удивился Столбов.

–

Губернатор. Давайте – давайте. Трогай! – приказал он кучеру.

– Сергей Петрович?!

– Вы что, знаете ещё каких-то губернаторов? Конечно, Сергей Петрович.

– А зачем?

– Приедем – узнаем. Вы мне вот что скажите, Илья Петрович: слышал, отказались от повышения? Не хотите быть исправником?

– Отказался, правильно Вы услышали.

– Зря Вы это. Недальновидно. Грядут большие перемены в полиции. Намедни я был в столице. Там говорят о выделении в полиции отдельной службы сыска, которая бы только преступниками занималась, а охрану правопорядка хотят полностью перенести на городских. Здравая идея, как считаете? А Вы у нас известная личность в городе по поимке всяческих негодяев и мерзавцев, могли бы возглавить такое отделение.

– Вы же сами знаете, Александр Александрович, пока до нас что-то из столиц дойдёт – лет десять утечёт.

– Не соглашусь с Вами, Илья Петрович. Тульская губерния – это не провинция Вам какая. Вы окончательно решили? Может, ещё подумаете? Я Вас не тороплю.

– Да, окончательно. Бюрократия – это не по мне, стар уже для этого, подготовлю себе смену – и в отставку.

– И что, есть достойные кандидаты? – поинтересовался полицмейстер.

– Только один, и пока ещё неопытный, – честно признался Столбов. – Сами знаете, как с кадрами: не идёт к нам образованная молодежь. Да и платят по нынешним временам немного.

– Знаю, знаю. Кто таков, этот votre protégé?

– Трегубов Иван, сын разорившегося помещика.

– Постараюсь запомнить. Приехали. Быстрее, прошу Вас, Сергей Петрович давно ждёт.

Сергей Петрович Ушаков был не один – из кресла поднялся мужчина средних лет в мундире с генеральскими эполетами: в глаза бросалась роскошная ухоженная борода, пронизательные глаза из-за стекол очков изучающе пробежались по Столбову. Илья Петрович, конечно, узнал в генерале начальника императорского оружейного завода Бестужева-Рюмина, который приходился племянником известному участнику декабрьского восстания двадцать пятого.

–

Илья Петрович, – заговорил Ушаков, двигая в такт словам своими пышными бакенбардами, – мы Вас позвали, поскольку у нас есть некое недоразумение, для которого надобен активный, опытный и, при этом, деликатный человек. Мне помнится, недавно всё это про Вас говорил Фёдор Александрович Свечин. С его слов, Вы успешно разрешили историю с пропавшей лошастью. Также вот, и Александр Александрович подтвердил мне, что Вы – подходящая фигура для подобного поручения.

– Я польщен таким отношением к моей особе, – ответил Столбов, – но не соблаговолите ли объяснить мне, в чём дело? Ибо я в полном неведении. Александр Александрович ничего не рассказал мне по пути сюда.

– Он и не знал. Василий Николаевич, прошу Вас, введите в курс дела Илью Петровича. Генерал вышел немного вперёд и заговорил с приехавшим приставом.

– Дело, действительно, деликатного свойства, – продолжил уже Бестужев-Рюмин. – Нужны быстрые результаты и минимум публичности во время следствия.

– Я весь во внимании, – сказал Столбов.

– С завода пропали практически законченные экспериментальные образцы винтовок, которые разрабатываются для перевооружения армии, – сказал Василий Николаевич. Поэтому это – вопрос государственной важности, который может дойти до самого... Вы понимаете, о ком я?

– Кажется, начинаю, – ответил Илья Петрович, который начинал понимать, как он был прав, что внезапный вызов к начальству не несёт ему ничего приятного.

– У Вас есть опыт, которого, скажем так, нет у руководства завода. Нужно найти эти винтовки и найти злоумышленника.

– Скажите, Василий Николаевич, а для кого могут представлять ценность эти винтовки? В них есть что-то уникальное?

– Ума не приложу, кому это нужно, – ответил Бестужев-Рюмин. – Это винтовки с новым замком магазинного типа, то есть, многозарядные, ещё не прошедшие испытания, запланированные на следующий год. Как я говорил уже – экспериментальные образцы.

– Могут ли некие иностранные государства быть заинтересованы в этих разработках?

– Сомневаюсь, – честно сказал генерал. – Как показала Балканская кампания, мы несколько отстали в этом вопросе. Сейчас мы находимся в положении догоняющих, чтобы уравнять шансы. Однако, полностью отместить эту версию я не могу, потому как лицензия на производство определенного типа оружия стоит очень дорого. Но всё же, скорее я бы подумал на внутренних недоброжелателей, противников прогресса, которым традиции важнее блага Отечества.

– Как бывший пехотный офицер, я хорошо понимаю, о чём Вы говорите, – сказал Столбов.

– Тогда не мне Вам рассказывать, что есть у нас генералы, – с презрением в голосе сказал Бестужев-Рюмин, – которые против магазинов в стрелковом оружии. «Одного патрона достаточно!» Они считают, что умение солдата должно нивелировать недостатки его оружия. «Стреляй редко, но метко» – слышали такое?

– Приходилось, – подтвердил пристав. – Когда нужно приступить к расследованию и какими силами?

– Прямо сейчас, – сказал Василий Николаевич. – На заводе Вас встретит штабс-капитан Мосин Сергей Иванович, он – член особой комиссии по разработке магазинных ружей, возглавляет инструментальный цех, и вообще сейчас основной конструктор экспериментальных образцов. А какими силами – не знаю. Александр Александрович?

– Берите всех, кто нужен, Илья Петрович, вопрос государственной важности. Это приоритетное расследование.

После беседы с Бестужевым-Рюминым и Ушаковым, Тришатный вернул пристава в управление.

– Поручение ответственное, – напутствовал на прощание полицмейстер Столбова, – не подведите меня, Илья Петрович. А про повышение подумайте, подумайте!

– Будем стараться, Александр Александрович, – ответил пристав.

В душе он послал проклятие в адрес Свечина и его жеребца, из-за которых он оказался втянут в какую-то политическую историю, коих Столбов пытался старательно избегать в силу своего характера. На завод он решил отправиться завтра по утру, благоразумно решив, что утро вечера мудренее, а ему необходимо время, чтобы обдумать линию своего поведения.

Утром, когда Трегубов только появился у полиции, его там уже ждал Столбов с лошадьми.

– Здравствуйте, Илья Петрович. Вы куда-то уезжаете?

– Доброе утро, Ваня. Мы уезжаем вместе. Вторая лошадь для тебя. Едем на завод.

– На завод?

– На оружейный завод.

– Но зачем? – удивился Иван.

– Пропали некие ружья, – ответил Столбов, – но это тайна, ты никому не должен об этом говорить, хотя по моему разумению, если, действительно, случай серьезный – а пока мне видится, что это так – то это надолго не скрывать.

– Понятно, – ответил Трегубов, залезая на коня.

Пристав и урядник, беседуя, медленно двинулись в сторону моста через реку. Тем временем город просыпался, и на улицах было всё больше людей, спешивших по своим делам.

– Расскажи мне, что там с Олениной, – попросил пристав.

– Пока не очень понятно, – начал рассказывать Иван. – У нас две версии: убийство и самоубийство. В любом случае Филимонов считает, что случайно так не упасть. Мы с Вами так и думали, когда были в доме. Либо Анна Андреевна прыгнула, либо её скинули. Филимонов назвал время смерти от утра воскресенья, но мы сузили его до ночи с воскресенья на понедельник.

– Почему? – заинтересовался пристав.

– Соседский слуга отнёс ей письмо вечером в воскресенье, она ещё была жива и, судя по всему, была одна дома, прислугу отпустила, – я про горничную и лакея.

– Что было в письме?

– Неизвестно. Его принес мальчишка, который ошибся домом, и слуга уже сам передал его Анне Андреевне, – пояснил Трегубов.

– Письмо не нашли? – понял пристав.

– Нет, не нашли. Мы с Семёновым просмотрели весь дом, но письма нигде не было.

– Значит, кто-то побывал ночью в доме, – сделал вывод Столбов. – Возможно, это важно, и письмо было либо поводом к самоубийству, либо к убийству. Ты допросил лакея? Он сообщил что-то интересное для нас?

– Да, допросил. Он говорит, что у покойной есть несколько родственников, не таких состоятельных, как Анна Андреевна: её сестра с мужем, сестра покойного мужа, свой сын, внебрачный сын покойного Оленина и двоюродный брат. Павел, лакей, говорит, что все они не любили его хозяйку и имеют меркантильные интересы к её состоянию.

– Проверь кто наследует, – подсказал Столбов.

– Как раз сегодня собирался заняться, Илья Петрович.

Императорский оружейный завод находился по другую сторону реки Упы относительно центра города и управления полиции, где служили Столбов и Трегубов. Производство оружия в Туле имело давнюю историю: ещё в семнадцатом веке здесь началось литьё пушек, а затем Никита Демидов основал фабрику по производству оружия. В восемнадцатом веке Пётр

I открывает казенную фабрику, и на её территории работают уже тысячи оружейников. Почти век спустя уже Павел I передает управление производством военным. В тысяча восемьсот семьдесят пятом году Александр II присваивает заводу, на котором работает уже более двадцати тысяч человек, статус «императорского». Трегубов, который никогда не бывал на заводе ранее, с удивлением и интересом рассматривал суету вокруг цехов и мастерских, где отливали оружие, сверлили дульные отверстия, изготавливали замки и затворы.

Штабс-капитана Мосина полицейские нашли в инструментальном цехе. Молодой офицер плотного сложения со слегка округлой формой лица внимательно посмотрел на Трегубова и Столбова, а затем предложил жестом выйти, ибо говорить в шуме, производимом многочисленными станками, было невозможно.

Пристав представился, и Мосин предложил пойти в здание правления завода. Пока они шли, Иван оглядывал огромные корпуса, которые, по всей видимости, были построены не так давно.

– Сергей Иванович, расскажите, пожалуйста, что мы ищем? – начал с главного вопроса пристав.

– Пропали три опытных ружья. Это даже не экспериментальная партия, которая обычно состоит из нескольких десятков ружей и отправляется на тестирование в армию или в Ораниенбаум, где сейчас проводят испытательные стрельбы, а прототипы оружия.

– Как я понимаю, это совершенно сырые образцы, которые будут постепенно доводиться до ума. Они чем-то отличаются от типовых изделий завода?

– Да, это так. Мы будем смотреть, как в них работает затвор, и вносить изменения в конструкцию. А именно затвором они и отличаются: в этих винтовках магазинный затвор. Вы, наверное, знаете, что это? – с сомнением посмотрел на полицейских штабс-капитан.

– Конечно, – ответил пристав, – я бывший офицер и прошел Крымскую кампанию.

– Тогда Вы должны понимать, что это значит для нашей армии, – Мосин с уважением посмотрел на пристава и стал говорить свободнее. – Мы отстали в вооружении от многих армий Европы – это показала не только осада Севастополя, где именно качество оружия, с моей точки зрения, и стало причиной поражения. Как Вы знаете, мы потеряли тысячи солдат из-за низкой дальности и плохой кучности стрельбы наших ружей. Шутка ли сказать, разница и в том и другом, по сравнению с оружием англичан и французов, была в три или четыре раза хуже! Но даже совсем недавно, во время Балканской кампании, тот же вопрос встал очень остро. И вот, наконец-то, на него обратили внимание. Но, к сожалению, у нас всё меняется очень медленно: много инстанций, в каждой кому-то что-то приходится доказывать... – это первая проблема, которая сейчас решена путем создания специальной комиссии. Другая проблема состоит в сопротивлении всему новому. Доходит до того, что в приоритет скорострельности ставят удобство взятия ружья на караул! Вы можете в это поверить?

– Могу, – вздохнул Илья Петрович, – могу. Но, как я понимаю, что-то начало сдвигаться в положительную сторону.

– Сдвинулось, ещё как сдвинулось, – подтвердил штабс-капитан, – при батюшке нынешнего Императора произошли изменения. За последние годы мы заново отстроили и переоснастили завод, купив несколько сотен современных станков для разных цехов. Закупили в Англии паровые машины. Всё это позволило увеличить объем выпуска оружия во время войны с Турцией, а также снизить стоимость производства каждой винтовки более чем на три рубля. Как я уже говорил, создана комиссия по разработке винтовки с магазином на основе уже выпускаемой около десяти лет винтовки Бердана. Это, конечно, не новое ружьё, хотя мы постоянно понемногу его улучшаем. Однако, дешевле и проще взять готовую винтовку, которую мы уже научились выпускать серийно и усовершенствовать её, чем выдумывать всё заново и перестраивать процессы на заводе.

– И эти разработки многозарядных винтовок ведутся Вами здесь, на заводе? – спросил Столбов.

– Да, в последнее время я отвечаю за это, как член комиссии. Но разработки идут не только здесь: на базе Сестрорецкого оружейного завода этим же занимаются полковники Христинич и Роговцев. Мастер офицерской стрелковой школы Квашневский или тот же корнет Лутковский готовы предложить свои конструкции. С корнетом мы иногда обсуждаем проблемы затворов, когда общаемся. Сейчас мы здесь запустим производство двустольного казнозарядного охотничьего ружья, которое он спроектировал. Хотим, чтобы завод не простаивал, и опытные рабочие не уходили. Заказов стало совсем мало после окончания войны на Балканах.

Пристав молчал и внимательно слушал пояснения штабс-капитана, поскольку абсолютно любой аспект мог пролить свет на пропажу оружия. Как он сам любил говорить: «Чтобы в голове сложились правильные выводы, нужно было иметь достаточно информации».

– Получается, что пропавшие ружья не являются уникальными? Уже существуют похожие разработки?

– Именно, такую работу ведём не только мы. И ещё хочу отметить, все мы пока далеки от завершения, идеальный вариант не найден. Нужно получить высокую скорость и простоту перезарядки, максимум выстрелов в минуту и при этом надёжность механизма. Очень много параметров, которые не так просто совместить. Думаю, пройдёт ещё не один год до серийного выпуска.

– Василий Николаевич сказал, что заграничным мастерам ваши разработки неинтересны? – спросил Столбов.

– Соглашусь с ним, – ответил Мосин. – За границей уже давно существуют серийные варианты. Здесь они нас обогнали, но я бы не сказал, что их магазины идеальны. Поэтому мы решили сделать свой, а не взять готовый образец. Одно время я сам рассматривал австрийский вариант магазина как концепцию, но потом решил, что он нам не подходит по надёжности подачи патронов в затвор. Поэтому сейчас пробуем разные варианты, и только лучший отберем на пробные стрельбы, которые должны состояться уже в восемьдесят четвертом году.

– Генерал Бестужев-Рюмин считает, что это может быть политическим делом, чтобы дискредитировать идею магазинных ружей через людей, которые этим занимаются? – осторожно спросил Столбов.

– Не думаю, – ответил Мосин. – Процесс уже не остановить. У нас долго запрягают, но, перефразируя, я бы сказал: когда запрягли – уже не распрячь.

– А что Вы сами думаете?

– Думаю, что это обычная кража, а Василий Николаевич придает этому слишком большое значение ввиду своей ответственности, как руководитель завода. Хотя, конечно, продать опытные образцы сложно, да и зачем, когда есть серийно выпускаемая продукция. Может быть, тому, кто разбирается в оружии, понадобилось именно ружьё с магазином? Не знаю, что и думать, знал бы – уже что-то бы делал.

– В Туле, как я понимаю, много знатоков, которые разбираются в оружии и понимают, что именно Вы делаете? – спросил пристав.

– Да, – согласился штабс-капитан. – Здесь работают самые знающие люди в Империи, а вокруг завода существует ещё множество частных мастерских и людей с разнообразными интересами вокруг оружия.

– Скажите, а нет ли конкуренции между разработчиками винтовки, раз несколько человек занимаются решением одной и той же задачи? Может, это вызвано недобросовестным поведением, например, кого-то из Сестрорецкого завода, чтобы помешать Тульскому заводу стать первым в разработке? – предположил Столбов. – Какие между вами отношения?

– Конечно, мы хотим быть первыми и сделать лучшую винтовку. Но то, что Вы говорите, совсем невероятно, – ответил Мосин после некоторых раздумий, – времени ещё много, испыта-

ния в следующем году, и не факт, что окончательные. Мы ещё не один вариант винтовки можем сделать, как и остальные. Можем сменить несколько вариантов конструкции за это время.

– Ладно, – вздохнул пристав, – если ружья, как образцы, не представляют интереса, может ли тут быть личный мотив – навредить Вам или Василию Николаевичу?

– Возможно, если поползет слух, то будет неприятно то, что у тебя пропадают образцы новых разработок. Это не украсит ничью карьеру.

– У Вас лично или у Василия Николаевича есть недоброжелатели или завистники?

– Про генерала не скажу, это Вам лучше у него поинтересоваться. У меня таких нет, кто бы пошел на такое в ущерб государству, ради моей карьеры. Нет, не думаю.

– Вы так уверены в других людях? Что, совсем нет недовольных Вами и Вашей работой здесь? Нет завистников? – недоверчиво спросил Столбов.

– Недовольные всегда есть и на службе, и на таком большом предприятии.

– Например?

– Полковник Миронов был недоволен, когда Василий Николаевич назначил меня вместо него руководить инструментальным цехом. После этого он стал холоден в отношениях со мной. Но не думаю, чтобы офицер опустил до подобного вредительства. Если есть личные проблемы с кем-то, каждый честный офицер знает, как их решать. Не правда ли?

– Получается, Сергей Иванович, что серьезных причин для кражи ружей Вы не видите? – Столбов удержал разговор в нужном ему русле, не дав ему уйти в обсуждение правил офицерской чести.

– Да, не вижу, Илья Петрович.

– Тем не менее какая-то причина есть, раз ружей нет на месте, и нам нужно её выяснить. Как Вы сами заметили – это государственное дело. Расскажите, пожалуйста, как именно произошла пропажа.

– С ружьями ночью работал мастер Иван Прокофьевич Лебедев, он заснул, а когда проснулся – ружей не было. Так он говорит.

– Вы ему верите?

– В принципе, да. Зачем ему врать? – задумчиво протянул Мосин. – Но мы должны проверить всех.

– Я правильно Вас понял, что он работал ночью в цеху? Он был один?

– Той ночью – да.

– А работать ночью – это нормальная ситуация?

– Нормальная. Многие мастера, чтобы закончить и не прерывать какие-то определенные работы могут задержаться на ночь. Раньше даже брали работу на дом, но теперь мы это не поощряем. Поэтому ничего необычного в том, что он задержался, чтобы закончить работу, нет. Такое бывает.

– И он заснул?

– Да, говорит, что решил отдохнуть несколько минут и заснул, а когда проснулся, ружей не было. Они все обыскали – всю мастерскую – и ничего не нашли.

– Понятно. А сейчас этот мастер на работе?

– Нет, он отстранён до полного выяснения обстоятельств дела.

– Кто бы мог сказать его адрес, чтобы мы могли с ним переговорить? – поинтересовался пристав.

– Он здесь, на заводе.

– Здесь? Подождите, Вы же сказали, что он отстранен? – удивился Столбов.

– Конечно, он отстранён и арестован. Он отвечал за винтовки на этом этапе. У нас военное предприятие, это не игрушки! Нам нужно разобраться и докопаться до истины, найти винтовки. Вы, господа, нужны для того, чтобы помочь с расследованием, если оно выйдет за пре-

дела нашего завода, и, конечно, в силу вашего опыта, нужна помощь непосредственно здесь. Как видите, мы за два дня ничего не нашли. Пойдемте, я провожу Вас к Лебедеву.

Мосин и полицейские вышли из здания правления и прошли длинное двухэтажное здание. По дороге Мосин давал пояснения. Было видно, что штабс-капитан гордится заводом.

–

А там у нас кузница с пятьюдесятью горнами и литейная. Представляете, скорость литья семьдесят пять пудов в час! Э – э, наверное, Вам это неинтересно.

– Что Вы, конечно, интересно! Любая информация может оказаться полезной для дела, – ответил Столбов.

Наконец, они подошли к двери, у которой стоял караульный с примкнутым штыком.

– Если ко мне больше нет вопросов, то у меня множество дел, я должен вернуться на производство, – сказал Мосин, открывая дверь перед полицейскими.

– Конечно, Сергей Иванович, идите, дальше мы сами справимся.

– Договорились! Если понадобится – знаете, где меня найти.

Помещение было складом для веревок и канатов, с небольшим окном – бойницей на высоте двух метров, через которое пробивался скудный дневной свет. Один деревянный стеллаж был приспособлен под кровать, на нем лежала куча тряпок, и стояла бутылка с водой. На импровизированной постели сидел худой сутулый человек в преклонном возрасте, нечесаная борода была уже совсем седой. Мастер поднялся, когда вошли полицейские.

– Не закрывайте пока дверь, – обратился Столбов к караульному, – света совсем нет.

Трегубов прошёл внутрь вслед за приставом и огляделся: такого разнообразия изделий из пеньки он никогда не видел. Пожилой рабочий завода продолжал стоять, терзая в руках выдавшую виды шапку.

– Здравствуйте, Иван Прокофьевич. Вы садитесь, садитесь. Меня зовут Илья Петрович, я пристав тульской полиции, а это – Иван Иванович Трегубов. Вы знаете, зачем мы здесь?

Иван Прокофьевич кивнул, присаживаясь на стеллаж. Он положил шапку рядом и внимательно посмотрел на Столбова из-под седых кустистых бровей. Взгляд его был серьёзным и открытым. Иван подумал, что так и должен выглядеть честный человек, уважаемый мастер.

– Буду предельно откровенен, поскольку времени мало, – продолжал пристав. – У нас с Вами три варианта, по моему разумению: первый – преступник – Вы, но в это у меня мало веры. Второй – Ваша халатность, позволившая непонятно куда навсегда пропасть в некоторой степени ценным образцам оружия, и Вы ничего не знаете об этом. Третий – ружья кто-то взял, и Вы, поделившись информацией, поможете понять причину исчезновения и найти эти винтовки. Как я понимаю, Вам грозят неприятности из-за этого происшествия. В третьем случае Вы их можете избежать, если поможете нам разобраться, что же произошло, и мы сможем быстро вернуть пропавшее оружие. Нужно только говорить откровенно.

– Я готов помогать, как могу, – ответил старый мастер. – Поймите меня, Илья Петрович, куда же мне деваться на старости лет? Даже если не в тюрьму, никто меня не возьмет на работу после такого. Не брал я этих ружей – просто заснул! Даже представить не могу, чтобы что-то у нас исчезло. Ну, бывало, инструмент воровали, но чтобы вот так, из-под носа, недоделанные до производства образцы... Да и как их пронесли через охрану? Кому они вообще нужны?

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.